

A. Polguère, I.A. Mel'čuk (eds.). Dependency in linguistic description. (Studies in language companion Ser. V. 111). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009. xii + 281 p.

В серии сборников и монографий, которые издаются с 1978 г. при журнале «*Studies in language*» и в основном отражают типологические исследования и теоретические концепции, альтернативные генеративной грамматике, вышел сборник из четырех больших статей, посвященный синтаксическим зависимостям. Зависимости – метод моделирования синтаксической структуры, исходящий из предположения, что она может быть адекватно представлена как множество бинарных одноподчиненных отношений между словами. Этот метод имел долгую предысторию, но в основном был разработан на рубеже 1950–1960-х гг. [Tesnière 1959; Gaifman 1961; Фи-

тиалов 1962; Hays 1964; Падучева 1964 и др.]. Впоследствии зависимости не получили широкого распространения, проиграв в «конкурентной борьбе» структурам составляющих, которые использует генеративная грамматика. Известными лингвистическими направлениями, использующими синтаксис зависимостей, остаются модель «Смысл-Текст» (далее МСТ) И.А. Мельчука и его соавторов [Мельчук 1974; Mel'čuk, Pertsov 1987; Mel'čuk 1988; 2001], представленная в рецензируемом сборнике, и «*Word Grammar*» Р. Хадсона [Hudson 1984; 1990; 2010] а также работы некоторых германских лингвистов, например [Heringer 1996].

В предисловии к сборнику И.А. Мельчук и А. Польгер дают общую характеристику синтаксиса зависимостей. Признаками структуры зависимостей являются связность (в предложении не может быть слов, не входящих в отношение зависимости хотя бы с одним другим словом), направленность (грамматические свойства пары слов, соединенной зависимостью, определяются одним из них, которое называется главным словом (*governor*)¹), строгая иерархическая организация (каждое слово в предложении или словосочетании имеет ровно одно главное слово, кроме одного-единственного, которое соответствует корневому узлу структуры) и значимость синтаксических отношений (которые передают больше информации, чем только иерархическое отношение между парой слов). С точки зрения МСТ, синтаксическая структура (дерево зависимостей) представляет собой промежуточный уровень между семантическим представлением (сетью) и морфологическим (цепочкой). Разграничиваются два синтаксических уровня: глубинный, ближе к семантике, и поверхностный, ближе к морфологии; в синтаксических структурах линейный порядок не задан.

В статье И.А. Мельчука «Зависимость в естественном языке» обсуждаются общие вопросы применения аппарата зависимостей. С некоторым развитием и уточнением подробностей здесь повторяется концепция, изложенная в [Mel'čuk 1988] и последующих работах автора. Различаются три типа синтагматической зависимости слов в предложении: семантическая, синтаксическая и морфологическая; к последней относятся согласование, управление и конгруэнтность. Отбросив несколько «не нужных» видов синтагматической связи между словами – лексическую сочетаемость, анафору, линейный порядок и коммуникативную доминанцию, автор постулирует универсальное бинарное отношение между словоформами, одна из которых является главным словом, а вторая – зависимым (*dependent*).

Для установления синтаксической зависимости между двумя словоформами И.А. Мельчук предлагает три группы критериев и описывает стратегии выбора аналитического

решения в тех случаях, когда они противоречат друг другу. Во-первых, это критерии наличия зависимости. К ним относятся линейный порядок (положение одного слова определяет положение другого) и просодическое единство (оба слова образуют просодически слитный комплекс или являются вершинами двух наиболее крупных составляющих этого комплекса).

Во-вторых, это отточенные и усовершенствованные И.А. Мельчуком критерии направления зависимости, позволяющие разграничить главное и зависимое слово: сходство пассивных синтаксических валентностей сочетания и его главного слова («критерий Базелла»), главное слово как носитель морфологических связей с внешним контекстом («критерий Звики») и семантический критерий («зависимое слово называет разновидность того, что обозначено главным словом, а не наоборот»). В связи с первым критерием точнее было бы сказать, что главное слово определяет пассивные валентности сочетания, так как не очень ясно, как можно рассматривать пассивные валентности экзоцентрических главных слов, т. е. предлогов и подчинительных союзов, отдельно от их зависимых, без которых они, как правило, не употребляются.

В-третьих, это критерии, на основании которых может быть установлен тип зависимости, т. е. поверхностно-синтаксическое отношение (ПСО). Это критерии семантического контраста – одно ПСО не может соответствовать двум семантически различным отношениям, если это различие выражается грамматическими средствами; отредактированный И.А. Мельчуком «критерий Кунце», который устанавливает взаимозаменяемость зависимых при одном и том же ПСО; и критерий повторяемости: ПСО может либо допускать неограниченное число повторений при одном и том же главном слове, либо не допускать их совсем. Разграничение повторяемых и неповторяемых ПСО соответствует разграничению аргументов и адьюнктов в генеративной грамматике.

На с. 40, давая определение синтаксической зависимости на основе предложенных критериев, И.А. Мельчук одновременно оперирует значительно более простым понятием – зависимостями в математическом смысле, т. е. отношениями в дереве зависимостей. Так, на следующей странице он перечисляет свойства, входящие в математическое определение дерева: антисимметричность, антирефлексивность, антитранзитивность и запрет на вхождение двух стрелок в один узел. Недостаточно четкое разграничение простой математической модели и тех весьма сложных языковых фактов, с которыми эта модель сопоставляется, может создать затруднение для читателя.

¹ И.А. Мельчук вводит (с. 9) напрашивающееся терминологическое различие между вершиной (*head*) как грамматическим центром словосочетания (в котором может быть больше двух слов) и главным словом, которое связано бинарным отношением с зависимым. Термин «*governor*», однако, неудачен, так как связан с понятием *government* 'управление', а главное слово не всегда управляет зависимым.

Автор выделяет три вида зависимостей на основе того, как семантические отношения «накладываются» на синтаксические: комплементацию, модификацию и координацию (сочинение). Затем приводится список из 52 ПСО для английского языка – 50-ти подчинительных и двух сочинительных – и рассматривается проблема соотношения между семантическими, синтаксическими и морфологическими зависимостями.

Далее И.А. Мельчук рассматривает некоторые «распространенные ошибки», связанные с зависимостями. Во-первых, это проблема относительных местоимений, которые, как кажется, зависят и от своего сказуемого, и от определяемого существительного (нарушение принципа единственности главного слова) и одновременно, подобно подчинительным союзам, выступают как главные слова по отношению к сказуемому (нарушение запрета на контур): (1) *человек*, → *которого* ↔ *видели*. И.А. Мельчук полагает, что связь относительного местоимения и его антецедента представляет собой морфологическую, а не синтаксическую зависимость. Недостаток такого решения, однако, в том, что, как и в косвенных вопросах (2) *спрашивает*, → *куда* ↔ *пошел*, остается необъяснимым положение союзного слова строго на левой периферии придаточного, т. е. в позиции подчинительного союза, и одновременно при определяемом слове в (1) и при главном глаголе в (2).

Почему И.А. Мельчук категорически не допускает хотя бы отдельных нарушений принципа единственности главного слова, как в (1–2) или в конструкциях типа (3) *оставили дверь* → *открытой*, не вполне понятно. Генеративизм в рамках своей логики не может отказаться, например, от принципа непересечения дуг (No Crossed Branches Axiom) в структуре составляющих, потому что это соотношение иерархии и линейного порядка рассматривается как фундаментальный неизблемый принцип универсальной грамматики. Однако в методологии МСТ, как кажется, возможно допустить, что принцип единственности главного слова хотя и редко, но нарушается, – такое допущение только усилило бы описательные возможности модели.

Разбирая возражение, состоящее в том, что с помощью зависимостей невозможно выразить различную степень связи зависимых слов с главным, И.А. Мельчук на примере конструкции с двумя дополнениями (с. 73) показывает, что этот вопрос решается разметкой зависимостей. Скорее всего, оппоненты имеют в виду линейную неразрывность комплементов и вершин в английском языке, которая решается в генеративной грамматике введением «штрихо-

вых» уровней и не может быть выражена с помощью разметки ПСО, так как эти отношения в случаях (4–6) разные: (4) а. *studies physics at Cambridge* ‘изучает физику в Кембридже’; б. **studies at Cambridge physics*; (5) а. *student of physics at Cambridge* ‘студент-физик в Кембридже’; б. **student at Cambridge of physics*; (6) а. *right between the eyes* ‘прямо между глазами’; б. **between right the eyes*.

Разобрав несколько спорных случаев, в том числе предложения без выраженного глагола, И.А. Мельчук в их число не включил полные предложения, состоящие из одного глагола-сказуемого, например, императивные, т. е. соответствующие одному узлу в синтаксической структуре. Между тем такие предложения также представляют вызов методу зависимостей. Приводимый И.А. Мельчуком пример А.А. Реформатского [Реформатский 1967: 28–29], «идеально четко демонстрирующий иерархию языковых единиц: латинское *I* ‘Поезжай!’, являющееся звуком, фонемой, слогом, морфемой, словоформой, синтагмой, предложением и целой фразой» [Мельчук 1995: 587], показывает преимущества составляющих в разграничении единиц разных уровней, подчиняющихся разным правилам: (7) [предложение [синтагма [слово [морфема [слог [фонема *I*]]]]].

Далее в статье предлагается восемь кратких аналитических этюдов, в основном на материале русского, английского и романских языков. Анализируя конструкцию с «аппроксимативным» предлогом (8) *около пяти килограмм*, возможную только в позиции подлежащего и прямого дополнения, И.А. Мельчук показывает, что предлог *около*, задающий необычную дистрибуцию, является главным словом. Можно заметить, во-первых, что эта конструкция возможна не только в роли подлежащего и прямого дополнения, но и в других позициях винительного падежа: (9) *разговаривали около двух часов*; (10) *В идеале российские нефтяники хотели бы иметь цену внутри страны в около 50 центов за литр* (Национальный Корпус русского языка). Во-вторых, (8) входит в обширный класс русских кванторных выражений с такой же дистрибуцией: (11) *от пяти до десяти человек; немного народу; не больше трех, на три тысячи рублей подарков, дофига игрушек, сколько хочешь мороженого...* и некоторых не кванторных именных групп (12) *что за Маша (Машу, *Маше...)*, в том числе многих собственных имен, образованных на основе предложений, предложных групп и их фрагментов: (13) *«На дне», «Летят журавли», «Друзьям»*. По-видимому, общим для всех перечисленных случаев является отсутствие склоняемой вершины, однако сохраняющиеся при этом признаки именной конструкции – например, спо-

способность выступать в позициях двух падежей, иметь референт, выражать семантическую роль или заменяться на местоимения – это наблюдение не объясняет.

Рассматривая преимущества зависимостей в сравнении с составляющими, автор справедливо указывает на их естественную связь с активными валентностями лексем. Действительно, генеративной грамматике, в отличие от МСТ, не удалось связать отношения лексической сочетаемости со структурными отношениями сколько-нибудь убедительным образом.

В заключительной части статьи обсуждается использование составляющих. Составляющие в понимании МСТ представляют собой не синтаксическую единицу, а единицу глубинно-морфологического уровня: цепочку словоформ, образующих неразрывную проекцию поддерева зависимостей и целиком подчиняющуюся правилам порядка слов.

Статья И.А. Мельчука – полное и четкое изложение теории зависимостей на нынешнем этапе развития МСТ, предлагающее на разнообразном материале убедительные решения для большинства трудных случаев. Можно заметить, что статья обладает тем же недостатком, что и предыдущие публикации автора по синтаксису зависимостей на английском языке: она рассчитана на слишком узкую аудиторию сторонников МСТ или студентов, впервые приступающих к изучению синтаксиса. Читатель, прошедший школу генеративной грамматики или оппонировавший ей формальным теориям, прежде всего обращает внимание на отсутствие фразовых категорий: именной группы (ИГ; точнее, «группы существительного»), предложной группы, группы подчинительного союза и т. д. Так же, как пассивные синтаксические валентности слова определяют грамматические классы лексем, т. е. части речи (с. 4), пассивные синтаксические валентности словосочетаний разбивают их на грамматические классы (термин «*phrasal categories*» точнее всего переводится на русский язык как «части речи, определенные на словосочетаниях»), и отсутствие этих классов в синтаксическом описании создает затруднения того же рода, к которым привело бы отсутствие понятия частей речи в морфологии.

В общей форме ответ на этот вопрос дан на с. 90: информация, содержащаяся в нетерминальных узлах структуры составляющих, в структуре зависимостей выводится из ПСО. Однако тот предполагаемый читатель, о котором идет речь, считает окончательно установленным, например, что а) основные грамматические и семантические признаки, имеющие значение для синтаксиса, характеризуют не слова и не отношения между словами, и даже

не составляющие вообще, а именно фразовые категории: падеж – свойство ИГ в целом, а не только вершины-существительного и не только ее определений; категории согласования характеризуют предложения или ИГ², финитные морфологические категории, такие, например, как время в английском языке или наклонение в русском, характеризуют предложения, а не только глагольные словоформы (та же идея неформально разрабатывается в русской грамматической традиции начиная с А.М. Пешковского); б) ИГ и придаточные предложения, а не их главные слова, заполняют валентности слов-вершин и выражают семантические роли; в) референтам соответствуют ИГ, а не существительные; г) ИГ, а не существительные, могут быть антецедентами местоимений; д) сферы действия операторов вопроса, отрицания, контрастивности и кванторов обычно совпадают с границами фразовых категорий, причем не любых, и т. д. Более или менее удовлетворительные ответы на некоторые из вопросов, возникающих в связи с отсутствием фразовых категорий в синтаксисе зависимостей, читатель может получить только после основательного изучения нескольких публикаций МСТ.

Преимущества модели, не использующей словосочетаний (*phrases*), обосновываются в статье С. Каана «О статусе словосочетаний в вершинной грамматике составляющих: иллюстрация посредством чисто лексической трактовки выдвиганий». В статье предлагается интерпретация с помощью аппарата зависимостей проблемы выдвиганий (*extractions*) в рамках «вершинной грамматики составляющих» (*Head-driven Phrase Structure Grammar, HPSG*) К. Полларда и И. Сага. HPSG представляет структуру языковых элементов в виде признаковых репрезентаций: множества признаков и тех значений, которые они принимают. В зависимости от набора признаков

² В терминах зависимостей обобщение не может быть сформулировано: с одной стороны, И.А. Мельчук вводит требование локальности в само определение согласования, отграничивая его от конгруэнтности (когда контролер и мишень разделены границей предложения), с другой стороны, при согласовании мишень и контролер могут находиться, а могут и не находиться в отношении зависимости (с. 20–21). Кроме того, трактовка согласования в терминах зависимостей неизбежно приводит к «размножению» категорий согласования, например, появляются «субстантивное число», «адъективное число» и «предикативное число», каждое из которых требует отдельного правила [Мельчук 1998: 351–352].

элементы объединяются в типы; одним из таких типов является словосочетание (phrase). С. Каан предлагает в качестве признаков описаний слов фрагменты деревьев зависимостей: главное слово выступает как значение признака HEAD (вершина), зависимые – как значения признака VAL (модель управления); затем на их основе строится дерево зависимостей, в котором пары слов используются вместо принятых в HPSG словосочетаний. Выдвижения С. Каан предлагает рассматривать также как особый случай сочетания слов: слово, подвергшееся выдвижению, образует одну пару в качестве вершины предложения с главным глаголом и другую пару с той вершиной, под которой возникает пробел.

Статья Л.Н. Иорданской и И.А. Мельчука «Установление инвентаря поверхностно-синтаксических отношений: валентностно обусловленные поверхностно-синтаксические зависимые глагола во французском языке» представляет образец применения структуры зависимостей к установлению актантных поверхностно-синтаксических отношений во французском языке. Семейство конструкций, объединяемых одним ПСО, представляет дистрибутивное обобщение в принципе того же типа, что, например, объединение алломорфов в морфему. Элементы, входящие в такую «конструкционему» («constructioneme», с. 152), не должны противопоставляться семантически, но должны быть взаимозаменяемы и обладать общими комбинаторными свойствами.

Основная задача статьи – установление части ПСО французского языка, а именно тех, которые реализуют глубинно-синтаксические актанты глагола. Выделяется 16 релевантных признаков зависимых глагола, отчасти совпадающих с известными в типологической литературе признаками грамматического приоритета: синтактико-семантический (соответствие глубинно-синтаксическому актанту глагола), чисто синтаксические (обязательность, вовлеченность в процессы подъема или опущения, способность к клитизации и релятивизации, способность быть контролером или мишенью релятивизации...) и морфолого-синтаксические (способность к согласованию и к контролю согласования, линейная позиция относительно глагола, невозможность сдвига влево...). Используется понятие прототипического зависимого, т. е. такой части речи, которая может употребляться в качестве зависимого с любым главным словом при данном ПСО. Особый интерес представляет разбор случаев, не имеющих такого прототипа, например, «квазисубъектного» отношения в безличной конструкции (14) *Il est raconté beaucoup d'histoires bizarres*

‘Рассказывалось много странных историй’, где в роли подлежащего выступает безличная клитика *il*. На основе анализа 14 признаков ПСО авторам удалось продемонстрировать значение известной иерархии Кинэна – Комри, первоначально сформулированной на материале типологии релятивизации [Keenan, Comrie 1977], причем иерархия в итоге принимает следующий вид: (15) подлежащее > прямое дополнение > не прямое дополнение > псевдопрямое дополнение (в значении параметрического признака или свойства) > агентивное дополнение > косвенный объект (с. 222).

В статье Й. Миличевич «Линейное расположение сербских клитик в модели синтаксических зависимостей» рассматривается известная проблема «вакернагелевского» расположения комплекса клитик в сербскохорватском языке в связи с теми трудностями, которые это явление представляет для подхода, основанного на структуре зависимостей. Главная трудность заключается в том, что у клитики, занимающей «вакернагелевскую», т. е. вторую, позицию в предложении (после первого ударного слова или первой составляющей), не совпадают главное слово и опорный элемент (host). Так, в предложении (16) *Ona ga je napustila* ‘Она его оставила’, одна из клитик комплекса *ga* ‘его’ зависит от другой клитики – вспомогательного глагола *je*. Автор вводит правила клитизации, т. е. приписывания грамеммы ‘клитика’ всем лексемам поверхностно-синтаксической структуры, которые должны быть клитизованы, и правила линейаризации, которые превращают синтаксическую структуру в цепочку. Вначале происходит линейаризация не-клитических элементов, затем – клитик. Правила линейаризации клитик включают образование комплекса, определение опорного элемента и собственно правила расположения. При наличии абсолютного опорного элемента, т. е. такого, который всегда притягивает клитики, комплекс ставится после него. Если такого элемента нет, комплекс ставится после первой составляющей, которая определяется как опорный элемент, не подлежащий игнорированию (non-skippable host), или после любой составляющей, предшествующей первому не игнорируемому элементу. Комплекс при определенных условиях может оказаться и внутри опорной составляющей.

Ключевыми факторами в определении места сербскохорватских «вакернагелевских» клитик являются, согласно Й. Миличевич, синтаксические зависимости и коммуникативные противопоставления. Последние могут выражаться просодическими средствами, но не сводимы к просодическим признакам.

Исследование и сравнение возможностей различных способов моделирования синтаксической структуры, несомненно, будут продолжаться и впредь. Опыты анализа разнообразного материала с помощью зависимостей в рамках МСТ, предпринятые в рецензируемом сборнике, – существенный вклад в разработку этой темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Мельчук 1974 – И.А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл⇌Текст». М., 1974 (2-е изд. М., 1999).
- Мельчук 1995 – И.А. Мельчук. Русский язык в модели «Смысл⇌Текст». М.; Wien, 1995.
- Мельчук 1998 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. II. Ч. 2. М.; Wien, 1998.
- Падучева 1964 – Е.В. Падучева. О способах представления синтаксической структуры предложения // ВЯ. 1964. №2.
- Реформатский 1967 – А.А. Реформатский. Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967.
- Фитиалов 1962 – С.Я. Фитиалов. О моделировании синтаксиса в структурной лингвистике // С.К. Шаумян. (ред.). Проблемы структурной лингвистики 1962. М., 1962.
- Gaifman 1961 – H. Gaifman. Dependency systems and phrase structure systems. Santa Monica, 1961.
- Hays 1964 – D.G. Hays. Dependency theory: a formalism and some observations // Lg. V. 40. 1964.
- Heringer 1996 – H.J. Heringer. Deutsche syntax dependentiell. Tübingen, 1996.
- Hudson 1984 – R. Hudson. Word grammar. Oxford, 1984.
- Hudson 1990 – R. Hudson. English word grammar. Oxford, 1990.
- Hudson 2010 – R. Hudson. An introduction to word grammar. Cambridge, 2010.
- Keenan, Comrie 1977 – E. Keenan, B. Comrie. Noun phrase accessibility and universal grammar // LI 1977. 8 (русс. перевод в: А.Е. Кибрик (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. XI. М., 1982).
- Mel'čuk, Pertsov 1987 – I. Mel'čuk, N.V. Pertsov. Surface syntax of English. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Mel'čuk 1988 – I. Mel'čuk. Dependency syntax: theory and practice. New York, 1988.
- Mel'čuk 2001 – I. Mel'čuk. Communicative organization in natural language. The semantic-communicative structure of sentences. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Tesnière 1959 – L. Tesnière. Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959 (русс. перевод: Л. Теньер. Основы структурного синтаксиса. М., 1988).

Я.Г. Тестелец